

Глубоко вздохнув, я наполнил руки энергией духа и осторожно направил зонды в рану. Вместо того чтобы просто покрыть раненое место слоем реяцу, я сжал свое реяцу в тонкие, ползучие усики и осторожно пощупал те места, где, как я чувствовал, просачивался яд. Как и ожидалось, он атаковал и разъедал кончик зонда... но при этом перестал распространяться дальше. Нехотя я направил к яду еще один крошечный усик. На этот раз я не стал убирать зонд, и, словно приманивая птицу следом из хлебных крошек, яд последовал за моим духом-реяцу, все время съедая импровизированный след, а я в это время тыкал его в разные точки, чтобы убедиться, что вытянул все. В то же время я направил множество зондов к другой проколотой ране, создавая импровизированную сеть из энергии духа над всем ее животом.

Честно говоря, это была медленная изнурительная работа. Приходилось постоянно пополнять запасы зондов по мере их разъедания, чтобы оттянуть яд обратно к точке входа, следить за тем, чтобы зонды были достаточно сфокусированы, чтобы обеспечить более привлекательный источник питания, чем собственная энергия духа Накано, но не настолько, чтобы они начали прорезать ткани, следить за тем, чтобы сеть достигала всех участков яда... Мне казалось, что я не сталкивался с такой сложной задачей с тех пор, как... ну, никогда. Обычно нападения пустотников заканчивались смертью жертвы и ее проглатыванием - мало кто выживал, чтобы добраться до меня. Большинство ядов тоже не были такими сложными и, как правило, поражали клетки, а не саму энергию духа. Я не знаю точно, сколько времени это заняло - час? Два? Но в конце концов мне удалось отвести весь яд в одну область, где я взял то, что осталось от моей сети, и приказал своему реяцу свернуть яд в шар. Когда яд был надежно заключен в шар из моей собственной энергии духа, я смог сравнительно легко извлечь его из тела пациента. Я нахмурился, глядя на светящийся зеленый шар, парящий над моей правой рукой, - внутри него все еще виднелся яд: полоска отвратительного ядовито-черного цвета, извивающаяся внутри своего контейнера и уже прокладывающая себе путь наружу. Взяв таз с водой, я выпустил в него энергию из руки, и токсин, содержащийся внутри, тут же окрасил жидкость в темно-фиолетовый цвет.

Я откинулся назад, борясь с волной внезапного головокружения. Сейчас было не время терять сознание от усталости, как бы мне этого ни хотелось. Несмотря на то что проблема с ядом была решена, в ее груди все еще зияли две дыры. Прежде всего нужно было что-то сделать с поврежденными внутренними органами. Шинигами или нет, но я сомневался, что она сможет избавиться от разорванных кишок. Не обращая внимания на начинающуюся в висках мигрень, я снова потянулся к груди, направляя энергию духа шинигами на сшивание гладких мышц.

К тому времени, когда я убедился, что Накано будет жить, уже наступила ночь, и мне пришлось заканчивать зашивать раны нитками, так как после поспешного устранения повреждений селезенки у меня закончилась собственная энергия духа. Слегка пошатываясь, я подошел к двери и едва успел заметить встревоженное выражение лица Каори, как споткнулся и потерял сознание. Меня подхватили крепкие руки.

"Эй, полегче", - раздался откуда-то сверху мягкий голос Мицуо, и я почувствовала, как меня осторожно опускают на землю и укладывают так, чтобы моя голова оказалась у него на коленях. Нежные пальцы перебирали мои волосы, слегка массируя кожу головы. Я удовлетворенно вздохнула.

"Она уйдет", - пробормотала я, слог сливался воедино. Я с трудом выговаривала слова. "Она умерла - яд ступицы, но я его убил. Скажи... скажи Бья'йе, что она будет жить". Последнее, что

я услышал, - тихие слова Мицуо, прежде чем мир вокруг меня померк.

Первое, что я отметил, проснувшись, - это приглушенные голоса, кричащие в соседней комнате. Точнее, это было второе, что я отметил. Первое, что я заметил, - это то, насколько тяжелым я себя чувствую, словно сила тяжести за ночь вдруг увеличилась в четыре раза. Я устало пошевелился, уже пытаюсь снова заснуть, но назойливые голоса в соседней комнате не прекращались.

"Видишь, вот почему я не хотел, чтобы она брала тебя к себе. От вас, проклятых шинигами, одни неприятности!" Голос - Каори, - проворчал мой все еще почти спящий разум. "По какой-то проклятой причине, которую я не понимаю, Хисана, похоже, приглянулась тебе. А теперь из-за какого-то дурацкого обещания, которое ты ей навязал, и из-за того, что она не хочет тебя разочаровывать, она напряглась до такой степени, что ее жизнь оказалась под угрозой! Ты только и делаешь, что берешь и берешь, ожидая все большего и большего, а теперь моя сестра лежит в соседней комнате полумертвая из-за тебя!"

"Каори!" Другой голос прошептал с осуждением. Мицуо. "Я понимаю твой гнев, но, пожалуйста, постарайся говорить потише. Хисана еще спит, и ей сейчас нужен отдых".

"Я... не хотел, чтобы Хисана так сильно напрягалась". Новый голос заявил, что в нем звучит чувство вины.

"Мне плевать, что ты делал или не делал. Факт в том, что Хисана уже полнедели лежит без сознания из-за тебя и тебе подобных", - прошипела Каори, произнесла последние два слова как проклятие. "Почему ты все еще здесь? Что тебе за дело? Твой маленький друг жив и здоров, верно? Это все, что имеет для тебя значение - неважно, даже если бы Хисана умерла, лишь бы ты получил то, что хотел..."

"Не думай, - голос Бьякуи звучал так холодно, - что я хотел причинить Хисане какой-либо вред. Если хочешь, обвиняй меня - я признаю, что во многом виноват в ее нынешнем состоянии, - но не смей говорить, что она мне безразлична".

"У вас забавный способ показать это, Шинигами-сан", - прошипела она, хотя и понизила голос. "Ну же, скажи правду. Это и есть истинная причина, по которой вы с ней подружились? Чтобы вам было удобно иметь под рукой целительницу, когда вы отправляетесь на миссии в этом районе?"

К этому моменту я окончательно перестал отдыхать и с огромным усилием открыл глаза... и в недоумении уставился на широкий ассортимент корзин с фруктами, выпечкой и цветами, заполнявших комнату. На мгновение я задумался, не сплю ли я, потому что в последний раз, когда я проверял, моя комната не была похожа на отпрыска магазина Hallmarks и конфетной лавки.

Изо всех сил стараюсь не шуметь - Рукия, Ренджи и Мива лежали на коврике рядом со мной, навалившись друг на друга, как куча щенков, - я встал и взял упаковку моти, лежавшую

поверх, похоже, пожизненного запаса конфет. Повернувшись обратно к куче щенков, я не смог удержаться от желания повизжать от умиления. Рукия свернулась клубочком, прижав к груди около 75 % одеяла и ревностно охраняя его даже во сне. Она всегда была любительницей повалиться в одеяле. Рядом с ней на подушке посапывал Ренджи, прикрыв глаза рукой, а его правая нога была закинута на ногу Мивы. Мива, в свою очередь, что-то бормотала в подушку - что-то о злых лягушках, красных ананасах и зайчиках с мечами. Взяв своё одеяло и накинув его на Ренджи и Миву (Рукии оно было не нужно, маленькая проказница), я глубоко вздохнул, запихнул в рот около пяти шариков моти и приготовился встретить бурю дерьма снаружи.

<http://tl.rulate.ru/book/103014/3577476>